

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА РОШЕШУАРА.

(Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration, par le général comte de Rochecouart. Paris, 1889. 8". XI и 539 стр., съ портретомъ).

Флигель-адъютантъ Александра Павловича, графъ Людвигъ-Викторъ Рошешуаръ родился въ 1788 г. и умеръ въ 1858-мъ. Семья его принадлежала къ Французской знати, но во время революціи лишилась почти всего состоянія. Мать графа Рошешуара, горячо преданная королевскому дому, въ его пользу растратила послѣднія уцѣлѣвшія крохи своихъ богатствъ, и дѣтство Рошешуара прошло въ бѣдности. Занятая политическими происками, мать, не обращала никакого вниманія на дѣтей. Въ первыхъ двухъ главахъ своихъ воспоминаній графъ Рошешуаръ описываетъ бѣдствія, которыя приходилось ему испытывать съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни: скитанія по чужимъ краямъ, нерѣдко голодь и холодъ. Послѣ разныхъ походовъ, на тринадцатомъ году возраста, Рошешуаръ уже начинаетъ самостоятельную жизнь: онъ опредѣлился солдатомъ въ Португалію, гдѣ тогда содержались на Англійскомъ жалованьи три полка Французскихъ эмигрантовъ. По заключеніи Амьенскаго мира, эти полки были распущены, и Рошешуаръ снова остался безъ средствъ къ существованію. Въ это время узналъ онъ случайно, что мать его проживала въ Россіи у герцогини Нассауской, а одинъ изъ братьевъ служилъ въ Одессѣ. Рошешуаръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ ѣхать къ нимъ. И вотъ, съ тридцатью четырьмя лудорами въ карманѣ, шестнадцати-лѣтній мальчикъ одинъ пускается на удачу въ трудный путь, въ далекую, неизвѣстную страну. Онъ купилъ мѣсто въ дилижансѣ, въ корзинкѣ съ поклажею и, растянувшись на соломѣ, ничѣмъ не прикрытый отъ солнца, вѣтра и дождя, питаясь чѣмъ попало, послѣ всякихъ бѣдъ, Рошешуаръ, въ началѣ 1805 года, доѣхалъ, наконецъ, до гостепріимной Россіи, увидѣлъ свою мать и вскорѣ затѣмъ поступилъ адъютантомъ къ г. губернатору Новороссіи герцогу Ришелье, который приходился ему родственникомъ. Герцогъ Ришелье полюбилъ его, какъ родного сына. Графъ Рошешуаръ всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ преуспѣяніемъ обязанъ былъ этому великодуш-

ному человѣку, при которомъ онъ и оставался почти безотлучно до самой его смерти. Не мудрено поэтому, что его воспоминанія наполнены подробностями о герцогѣ Ришелье; но странно, что о Россіи, его пріютившей, въ книгѣ его встрѣчается мало теплыхъ отзывовъ, хотя и враждебности не замѣчается. Это былъ не столько себѣ-наумѣлый, какъ веселый, добродушный и смысленый Французъ.

Приведемъ съ его словъ рассказъ герцога Ришелье о первой его встрѣчѣ съ Суворовымъ (стр. 53.).

Въ 1790 году, графъ Шинонъ, герцогъ де-Фронсакъ (т.-е. Ришелье), по смерти своего дѣда, маршала, получилъ позволеніе императрицы Екатерины служить волонтеромъ въ Русской арміи и подъ начальствомъ генерала Суворова участвовать въ осадѣ Измаила. Ришелье прибылъ въ Русскій лагерь вечеромъ 30 Ноября. Рано утромъ слѣдующаго дня, въ сопровожденіи Русскаго офицера, онъ отправился являться къ главнокомандующему. Было очень холодно, стоялъ морозный туманъ. Посреди лагеря Ришелье замѣтилъ нѣсколько человѣкъ солдатъ вокругъ совершенно голаго человѣка, который скакалъ по травѣ и выдѣлывалъ отчаянную гимнастику. «Кто этотъ сумасшедшій?» спросилъ Ришелье своего спутника.—Главнокомандующій графъ Суворовъ, сказали ему. Суворовъ, замѣтивъ иностранца (на Ришелье былъ маіорскій мундиръ Французскихъ гусаровъ), поманилъ его къ себѣ. «Вы Французъ, милостивый государь?» — Точно такъ, генераль.— «Ваше имя?» — Герцогъ де-Фронсакъ.— «А, внукъ маршала Ришелье! Ну, хорошо! Чтò вы скажете о моемъ способѣ дышать воздухомъ? По моему, ничего не можетъ быть здоровѣе. Совѣтую вамъ, молодой человѣкъ, дѣлать тоже; это—лучшее средство противъ ревматизма!» Суворовъ сдѣлалъ еще два или три прыжка и убѣжалъ въ палатку, оставивъ своего собесѣдника въ крайнемъ недоумѣніи.

Состоя адъютантомъ при Ришелье, графъ Рошешуаръ видѣлъ много достопамятнаго, и девятилѣтняя служба въ Россіи, особенно въ южной, дала ему возможность познакомиться съ этимъ вторымъ своимъ отечествомъ. Третья и четвертая главы его воспоминаній посвящены исключительно пребыванію въ Россіи и войнамъ 1812—1814 годовъ, когда онъ былъ уже флигель-адъютантомъ Государя.

На первыхъ порахъ своей службы Рошешуаръ участвовалъ и въ Турецкой войнѣ. Армія наша состояла тогда изъ трехъ корпусовъ подъ общимъ начальствомъ генерала Михельсона. Первымъ корпусомъ командовалъ Ришелье, вторымъ—генераль Мейендорфъ и третьимъ

самъ главнокомандующій. Корпусъ Ришелье вступилъ въ Бессарабію и завладѣлъ безъ выстрѣла крѣпостью Акерманомъ. Крѣпость эта была въ хорошемъ состояніи и вооружена 85 пушками, но за то гарнизонъ состоялъ всего изъ 12 артилеристовъ, четырехъ Янычаръ и тридцати Албанцевъ, подъ начальствомъ хромаго и криваго коменданта, семидесяти восьмилѣтняго старика. Между тѣмъ какъ Ришелье овладѣлъ Акерманомъ, Юсуфъ-паша сдалъ Бендеры Мейендорфу; такимъ образомъ Бессарабія и Буджакъ поступили во власть Россіи за исключеніемъ Измаила: депеши изъ Петербурга запрещали слишкомъ быстрое наступленіе. Ришелье сдалъ командованіе своею частью графу Ланжерону и возвратился въ Одессу.

Въ Маѣ 1807 года изъ Крыма отправилась экспедиція брать Анапу. Вотъ какъ описываетъ ее Рошешуаръ (стр. 72).

Отрядъ въ 7000 пѣхоты, 1500 козаковъ и 22 пушки былъ собранъ на полуостровѣ Тамани. Намъ назначено атаковать Анапу съ берега, а флотъ, вышедши изъ Севастополя подъ начальствомъ маркиза Траверсе, долженъ былъ бомбардировать ее съ моря. Многочисленный Черноморскій флотъ, а также всѣ морскія учрежденія Николаева, Херсона и Севастополя были подчинены маркизу Траверсе Онъ и Ришелье, два Француза, управляли такимъ образомъ этой громадной областью. Въ Тамани телеграфъ предупредилъ насъ о выходѣ флота въ составѣ двѣнадцати судовъ: сто двадцати-пушечнаго флагманскаго корабля, двухъ семидесяти-четырехъ пушечныхъ съ контръ-адмираломъ Урусовымъ, четырехъ фрегатовъ 1 ранга и 5 корветовъ. Герцогъ Ришелье во главѣ отряда немедленно перешелъ Кубань и направился къ Анапѣ, слѣдуя берегомъ. Пройдя всю ночь, къ восходу солнца остановились въ четырехъ верстахъ отъ мѣста, свернули отъ берега и, поднявшись въ гору, заняли площадку, господствующую надъ городомъ. Пѣхота перестроилась къ бою, кавалерія заняла лѣвый флангъ, а артилерія помѣстилась въ серединѣ. Немного спустя, адмиралъ далъ сигналъ начинать дѣло, контръ-адмиралъ отвѣчалъ ему; немедленно всѣ суда приблизились къ городу и, проходя одно за другимъ въ разстояніи отъ берега на половину пушечнаго выстрѣла, осыпали залпами укрѣпленія, портъ и городъ. Выпустивъ залпъ, каждое судно проходило мимо, поворачивало и возвращалось въ хвостъ колонны дожидаться своей очереди для втораго залпа. Этотъ страшный огонь быстро уничтожилъ батареи, укрѣпленія, дома, публичныя зданія и взорвалъ на воздухъ два пороховыхъ склада. Паша не ожидалъ нашего нападенія и отступилъ въ лѣсъ, лежащій въ верстѣ отъ города. Все населеніе

послѣдовало за гарнизономъ. Суда только что готовились дать по третьему залпу, какъ адмиралъ въ подзорную трубу замѣтилъ общее бѣгство. Въмѣсто того, чтобы дать намъ условный сигналъ, онъ приказалъ свезти десантъ, желая такимъ образомъ доставить флоту честь закончить побѣду. Но лучшіе въ мірѣ развѣдчики, наши козаки, донесли намъ вѣ-время объ оставленіи города непріателемъ. Тогда герцогъ Ришелье, приказавъ пѣхотѣ слѣдовать за собою возможно скорѣе, самъ во главѣ кавалеріи устремился къ городу. Мы доскакали до него какъ разъ въ то время, когда моряки высадились на берегъ. Не узнавъ другъ друга въ дыму пожара, кавалерія и матросы начали перестрѣливаться. Это недоразумѣніе къ счастію скоро выяснилось, однако не обошлось безъ восьми или десяти раненыхъ. Одна пуля ударила въ мое сѣдло, не причинивъ, впрочемъ, вреда. Первой нашей заботой было спасти отъ пожара возможно больше домовъ. Городъ горѣлъ, и мы не могли никакъ догадаться, откуда шло благоуханіе, которое чувствовалось въ воздухѣ. Оказалось, что такъ хорошо пахли палисады изъ кедроваго и розоваго дерева.

Послѣ взятія Анапы, Ришелье оставилъ въ ней достаточный гарнизонъ, а самъ возвратился въ Одессу, куда призывали его дѣла; Рошешуаръ же отпросился у своего покровителя остаться при экспедиціи, направленной противъ горцевъ изъ Анапы. Только-что передъ тѣмъ горцы сдѣлали нападеніе на наши области, и надо было примѣрно наказать ихъ. Въ этой экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Гангелова, Рошешуаръ впервые понюхалъ пороху.

Весною 1808 года Рошешуаръ вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье отправился инспектировать Новороссійскія колоніи. Еще императрица Екатерина, чтобы заселить необозримыя пустынные степи вновь пріобрѣтеннаго края, старалась привлекать туда колонистовъ изъ разныхъ странъ, давая имъ земли на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Для этого она имѣла на берегахъ Рейна агентовъ, которые должны были доставлять желающимъ средства къ переселенію. Прибывъ въ Россію, каждое переселенческое семейство получало отъ комитета колоній домъ, выстроенный изъ камня, корову, пару быковъ съ телѣгой и, кромѣ того, денежную помощь до тѣхъ поръ, пока глава семьи, совершенно освоившись на мѣстѣ, не начиналъ самостоятельно извлекать изъ земли средства къ прокормленію. Денежная помощь рассчитывалась сообразно съ численностью переселившейся семьи. Черезъ десять лѣтъ колонистъ получалъ въ собственность землю, на которой работалъ. Тогда комитетъ высчитывалъ все, что было истрачено на каждаго колониста, и

тотъ слѣдующія затѣмъ четырнадцать лѣтъ ежегодно обязанъ былъ выплачивать правительству сумму, равную пяти процентамъ со всего, что было на него истрачено. Первые 25 лѣтъ колонисты избавлены были отъ воинской повинности и даже отъ постоя войскъ. Менонисты же, пришедшіе со всѣми своими богатствами немного позже, были избавлены отъ воинской повинности навсегда. Эти менонисты, принадлежавшіе къ сектѣ анабаптистовъ и извѣстные въ Германіи подъ именемъ Братьевъ Моравскихъ, пришли изъ Кенигсберга. Почти всѣ они были очень богаты, а многіе насчитывали у себя до 100 тысячъ талеровъ. Король Прусскій отпустилъ ихъ не иначе, какъ удержавъ 20-ю часть всего, что они выручили за продажу своихъ земель въ Пруссіи. Ученіе ихъ запрещаетъ вести войну и убивать людей, поэтому-то ихъ и приказано было не брать въ солдаты.

Колоніямъ была предоставлена свобода вѣроисповѣданія. Даже судебныя разбирательства хотя и производились въ Русскихъ учрежденіяхъ, но всегда черезъ посредство комитета колоній. Комитетъ находился въ Екатеринославѣ и подчинялся непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ. Губернатору же Новороссіи было предоставлено право лишь инспектировать колоніи.

Въ послѣдствіи горцогу Ришелье удалось прикрѣпить къ землѣ Ногайскихъ Татаръ и образовать изъ нихъ колоніи. Дикія орды, съ незапамятныхъ временъ не понимавшія иной жизни, кромѣ кочевой, долго не поддавались осѣдлости. У каждой орды былъ свой мулла и опредѣленная область, въ пространствѣ которой она кочевала. Ришелье приказалъ выстроить въ каждомъ такомъ кочевьѣ мечеть и дома, въ которыхъ поселялись муллы. Орда, не желая покидать своего муллу, селилась около него. Такимъ образомъ завелись деревни съ осѣдлыми жителями. Эти Ногайскія колоніи имѣли свою особую администрацію, во главѣ которой стоялъ графъ де-Мезонъ, бывшій президентъ Руанскаго парламента, который жилъ среди Ногайцевъ и посвятилъ имъ послѣднія 30 лѣтъ своей жизни. Онъ много потратилъ трудовъ на эти колоніи и никогда не хотѣлъ получать ни жалованья, ни вознагражденій. Императоръ Александръ Павловичъ, думая вознаградить заслуги графа Мезона, велѣлъ однажды спросить его, не желаетъ ли онъ чего-нибудь. «Я хотѣлъ бы, отвѣчалъ тотъ, дать свое имя Мениль-Мезонъ самой большой деревнѣ этихъ добрыхъ Ногайцевъ». Желаніе его было исполнено, но «добрые Ногайцы», какъ ни старались, никакъ не могли произнести этихъ двухъ Французскихъ словъ, и тогда, особеннымъ указомъ, названіе было переведено на Татарскій языкъ.

Благодаря разнымъ льготамъ, заселеніе Южной Россіи, начатое Екатериною, быстро подвигалось впередъ. Въ то время, когда Ришелье управлялъ Новороссіей, уже насчитывалось до 300 деревень колонистовъ, съ 300 тысячъ жителей. Изъ этихъ деревень 106 было заселено Нѣмцами, пришедшими изъ Швабіи, Баваріи и Виртемберга, 30 Ногайскими Татарами, 13 — Болгарами, 21 — Русскими, преимущественно разными сектантами, 26 — Греками и 6 — Евреями. Кромѣ того, 15 тысячъ колонистовъ жило въ окрестностяхъ и предмѣстьяхъ Одессы.

Греческія колоніи въ округѣ Мариуполя не были подчинены ежегоднымъ инспекціямъ, потому что прошло уже двадцать четыре года со времени ихъ основанія. Герцогъ Ришелье остался совершенно доволенъ цвѣтущимъ состояніемъ, въ какомъ нашелъ эти колоніи и многихъ представилъ къ наградамъ.

Осмотрѣвъ колоніи, мы направились въ Таганрогъ. Городъ этотъ, хотя и уѣздный, но очень важный въ торговомъ отношеніи, управлялся особымъ губернаторомъ. То былъ баронъ Кампенгаузенъ. Онъ показалъ намъ городъ, портъ и обширные хлѣбные склады. Таганрогъ основанъ въ 1706' году Петромъ Великимъ, который учредилъ въ немъ два порта, военный и коммерческій. Теперь военный уничтоженъ, но коммерческій процвѣтаетъ: послѣ Одессы Таганрогъ самый важный торговый пунктъ на всемъ Черномъ морѣ.

Затѣмъ мы посѣтили Нахичевань. Императрица Екатерина II-я, выстроивъ этотъ городъ, предназначила его для всѣхъ Армянъ, разсѣянныхъ по Крыму. Насъ приняли съ великой радостью, потому что никогда, съ самаго основанія города, губернаторы не бывали тамъ. Добрые Армяне дѣлали все возможное, чтобы выказать намъ свое радушіе. Городъ выстроенъ на прекрасномъ мѣстѣ и потонулъ въ великолѣпныхъ садахъ. Мы охотно остались бы тамъ нѣсколько дней; но городничій предупредилъ насъ, что девять десятыхъ населенія, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ, старыхъ и молодыхъ, уже нѣсколько лѣтъ поражены наслѣдственной чесоткой. Это непріятное «нездоровье», какъ они его называютъ, происходитъ у нихъ отъ удивительной нечистоплотности: въ противность восточному обычаю, они никогда не моются; всѣ, даже молодая и красивая дѣвушка, страдаютъ чесоткой. Боязнь заразы ускорила нашъ отъѣздъ.

Въ Екатеринодарѣ Черноморскій атаманъ встрѣтилъ герцога Ришелье большими военными почестями. Два раза въ день мы сидѣли за

столомъ по три часа. Надо было пить и ѣсть много, чтобы не оскорбить атамана. Особенно затягивало ѣду то обстоятельство, что атаманъ, желая по всей вѣроятности угодить намъ, приказывалъ подавать каждое кушанье по три раза, какъ онъ говорилъ, «во славу Святой Троицы». Эти его слова каждый разъ сопровождались тремя выстрѣлами изъ пушки и троекратнымъ «ура» казаковъ, стоявшихъ передъ домомъ въ боевомъ строѣ. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, надо было выпить три стакана чаю и три стакана рому! Хозяинъ первый подавалъ примѣръ. Въ его желудкѣ умѣщалось невѣроятное количество пищи. Это былъ великанъ 60-ти лѣтъ, который казался не болѣе, какъ сорокалѣтнимъ. Въ молодости однажды осилилъ онъ разъяреннаго быка. Черкесы боялись его пуще огня; онъ не разъ показывалъ имъ силу своихъ рукъ. Отецъ многочисленнаго семейства, онъ даже не зналъ хорошенько своихъ дѣтей. Разъ за обѣдомъ, Ришелье спросилъ его: «Атаманъ, сколько у васъ дѣтей?» — «Трофимъ, обернулся атаманъ къ казаку, стоявшему за его стуломъ, сколько у меня дѣтей?» — «Одиннадцать», отвѣчалъ казакъ. — «Всѣ мальчики?» продолжалъ Ришелье, чтобы скрыть одолѣвавшій его смѣхъ. — «Трофимъ, сколько у меня дочерей?» опять обратился атаманъ къ казаку. — «Четыре», отвѣчалъ Трофимъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Атаманъ назывался Вурсакъ; это имя ему дали въ Кіевѣ, гдѣ онъ, какъ брошенное дитя, воспитывался на казенный счетъ.

Смотры начались на другой день по нашемъ приѣздѣ. Атаманъ представилъ губернатору двадцать полковъ, по шести сотъ человекъ каждый. Герцогъ провелъ пять дней, смотря это чудесное войско, несомнѣнно лучшее въ Европѣ для сторожевой и развѣдочной службы. Лошади казаковъ выдресированы, какъ собаки: по знаку хозяина онѣ ложатся, поднимаются и понимаютъ все, чего отъ нихъ требуютъ.

Воспоминанія графа Рошешуара представляютъ много любопытнаго для исторіи Южной Россіи и огражданствованія Одессы. Тамъ жилось отлично. Герцогъ Ришелье полюбилъ Крымъ и первый изъ начальниковъ сталъ ежегодно проводить въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Выборъ Гурзуфа дѣлаетъ честь его художественному вкусу. Его усадьбу, нынѣшнее великолѣпное владѣніе Губонина, подарили ему мѣстные Татары; уѣзжая во Францію, онъ отдалъ его своему адъютанту Стемцовскому. Рошешуаръ, будучи домашнимъ человекомъ у Ришелье, ѣздилъ съ нимъ въ Петербургъ и зналъ всю подноготную управленія. Однажды пропало письмо Государя къ герцогу, и никакъ не могли открыть виноватаго въ пропажѣ. Тогда между Москвой и Одессой обязанность правительственныхъ курьеровъ исполняли казаки, жившіе на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Я отправился,

говорить Рошешуаръ, изъ Одессы съ приказаніемъ наказывать всѣхъ козаковъ, которые возятъ царскія бумаги. Приѣхавъ на станцію, я собиралъ козаковъ и говорилъ имъ: «Пропало письмо Его Императорскаго Величества; вотъ приказъ дать всѣмъ по 25 ударовъ кнутомъ». И наказаніе тутъ - же началось: каждый по очереди ложился брюхомъ внизъ и безъ возраженія получалъ отъ своего начальника указанное число ударовъ; потомъ самый старый солдатъ продѣлывалъ тоже надъ начальникомъ станціи; ни жалобы, ни ропота. Покончивъ, я сѣлся въ повозку и ѣхалъ къ слѣдующей станціи. Шестъ дней понадобилось, чтобы выполнить это тяжкое порученіе».

Любопытны страницы (144 и слѣд.) Воспоминаній Рошешуара о путешествіи Маріи Антоновны Нарышкиной, супруги оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича (о которой столько любопытнаго рассказано читателямъ «Русскаго Архива» графиней Эдлингъ). Именно въ это время началась остуда къ ней Александра Павловича. Услужливый, находчивый, любезный Французъ въ ея обществѣ попалъ какъ разъ въ свою среду. Знаменитой Полькѣ шелъ тогда 31-й годъ, и она была въ полномъ разцвѣтѣ своей необыкновенной красоты. Значеніе ея, хотя негласное, не уступало значенію любимцевъ Екатерины Второй, а въ отношеніи политическомъ было гораздо вредоноснѣе, такъ какъ рядомъ съ ней, и конечно не безъ ея помощи, дѣйствовалъ князь Адамъ.

«Въ Маѣ 1811 намъ дали знать, что въ Одессу будетъ госпожа Нарышкина, урожденная Четвертинская, которая по совѣту докторовъ опасалась Петербургскаго климата, вреднаго для здоровья ея шестилѣтней дочери Софьи. Пышная свита сопровождала красавицу, и было очень трудно помѣстить ее какъ слѣдуетъ въ простомъ и скромномъ губернаторскомъ домѣ. Герцогъ Ришелье поручилъ мнѣ найти подобающее помѣщеніе для ожидаемаго большаго и блестящаго общества. У графини Потоцкой былъ въ Одессѣ великолѣпный домъ, съ прекрасно разбитымъ, выходящимъ къ морю, садомъ. Я поѣхалъ къ ней въ Тульчинъ за позволеніемъ занять этотъ домъ для ожидаемой гостии, и чрезъ три дня вернулся назадъ. Позволеніе мнѣ было дано очень милостиво, при чемъ я не скрылъ отъ графини Потоцкой, что я очень обязанъ г-жѣ Нарышкиной ¹⁾. Приѣхать должны были восемнадцать человѣкъ: г-жа Нарышкина съ дочерью, три компаньонки (Русская, Полька и Англичанка) Нѣмецъ-докторъ, Виконтъ (Французъ-секретарь), егермейстеръ Павловъ ²⁾, гувернантка, три горничныя, поваръ, метръ д'отель, курьеръ и три лакея.

Пребываніе Нарышкиной въ Одессѣ поглощало всѣ наши свободныя минуты. Я старался доставлять ей всѣ средства проводить время

¹⁾ Рошешуаръ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю благодаря хлопотамъ Нарышкиной. П. Б.

²⁾ Дмитрій Ивановичъ, родной дѣдъ графа Дмитрія Андреевича Толстаго. П. Б.

какъ можно пріятнѣе. Балы, концерты, морскія поѣздки, прогулки слѣдовали безъ перерыва одно за другимъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Теплый воздухъ и небо Одессы, морскія купанья въ самое короткое время произвели значительныя улучшенія въ здоровьи дѣвочки. Съ цѣлью укрѣпить ея выздоровленіе, такъ хорошю начавшееся, Одесскій докторъ посовѣтовалъ сдѣлать путешествіе по Крыму, надѣясь на тамошній еще болѣе теплый климатъ. Это предложеніе было принято всѣми съ восторгомъ. Но раньше надо было испросить позволеніе на эту поѣздку изъ Петербурга, которое скоро и пришло. Мы отправились въ путь 5-го Сентября 1811 года. Навѣрно со временъ путешествія императрицы Екатерины Второй край этотъ не видалъ такого многочисленнаго и блестящаго общества, какъ наше. Укладка вещей и размѣщеніе по экипажамъ задержали насъ въ Одессѣ до полдня, и въ первый день мы сдѣлали всего одиннадцать миль. Ночевать пришлось у генерала Кобле. Нашъ авангардъ состоялъ изъ фургона съ кухонными принадлежностями, телѣги съ провизіей и брички съ посудой, серебромъ и чемоданами; потомъ ѣхала моя коляска, въ которой помѣщался я съ нашимъ другомъ, Испанскимъ консуломъ Дулэ-дель-Кастильо. За нами въ своей каретѣ ѣхалъ Перовскій, сынъ графа Разумовскаго; онъ исполнялъ обязанности секретаря по гражданскимъ дѣламъ у герцога Ришелье. Это путешествіе было для него однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, потому что вскорѣ послѣ того онъ женился на Шарлоттѣ де-Салли *), одной изъ компаньоновъ Нарышкиной. За нимъ ѣхалъ экипажъ съ горничными, потомъ экипажъ секретаря Виконта, ѣхавшаго вмѣстѣ съ докторомъ Мюллеромъ; экипажъ Павлова съ компаньонкой графиней Арценъ (Artzen) и Шарлоттой де-Салли и гувернанткой маленькой Софьи. Наконецъ, въ послѣдней каретѣ сидѣла сама Нарышкина съ дочерью и графомъ Венансонъ, начальникомъ штаба герцога Ришелье. Этотъ бѣдный малый, очень красивый собой, кажется не въ мѣру поусердствовалъ, ухаживая больше чѣмъ слѣдуетъ за своей спутницей. Я не знаю, что у нихъ вышло; но дѣло въ томъ, что въ послѣдствіи графъ Венансонъ, блистательно участвуя въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ, не получилъ ни разу ни чина, ни ордена. Послѣ этого онъ оставилъ Русскую службу, возвратился на родину въ Сардинію и тамъ скоро сдѣлался генераль-лейтенантомъ. Герцогъ Ришелье поѣхалъ впередъ двумя днями раньше насъ: онъ захотѣлъ вездѣ самъ приготовить намъ подставы.

*) Бабка Софьи Перовской, одной изъ убійць императора Александра II-го. Николай Ивановичъ Перовскій позднѣе сдѣлался Симферопольскимъ губернаторомъ. Въ царствованіе Александра Павловича графу М. С. Воронцову трудно было смѣтить его. П. Б.

Путь лежалъ на Херсонъ, Перекопъ, Акъ-мечеть, Бахчи-Сарай и Севастополь, гдѣ насъ ждалъ блистательный пріемъ. На маленькомъ легкомъ суднѣ мы прошли мимо всего флота, разцвѣтившагося флагами и привѣтствовавшаго насъ криками «ура» и выстрѣлами изъ орудій. За обѣдами и балами въ адмиралтейскихъ залахъ, украшенныхъ морскими принадлежностями, слѣдовала поѣздка въ монастырь Св. Георгія. Потомъ намъ пришла фантазія играть «Ифигенію» въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ гдѣ произошли событія, послужившія содержаніемъ этой трагедіи. Въ Балаклавѣ по нашему настоянію командиръ батальона сдѣлалъ примѣрный приступъ и взялъ крѣпость. Для дальнѣйшаго пути по южному берегу въ Балаклавѣ было приготовлено восемьдесятъ верховыхъ лошадей и пятьдесятъ для перевозки багажа и провизіи. Вездѣ насъ принимали съ великими почестями; самые оригинальные праздники устраивались какъ бы по волшебству: концерты, балы, спектакли, фейерверки, иллюминаціи. Въ Бахчи-Сараѣ, спрятавшись въ мечети, мы видѣли кружащихся дервишей, которые поютъ и пляшутъ до тѣхъ поръ, пока ни упадутъ замертво на землю. Въ другой разъ Нарышкина посѣтила гаремъ одного мусульманскаго начальника. Это посѣщеніе могло кончиться плохо. Я былъ бѣлокуръ, безъ бороды; кожа у меня была нѣжная и бѣлая. Нарышкиной вздумалось нарядить меня въ платье ея горничной. На меня надѣли шляпу съ большимъ покрываломъ и въ этомъ видѣ принудили идти въ гаремъ. Его обитательницы съ любопытствомъ разсматривали наряды Европейскихъ женщинъ, подходили, осматривали, ощупывали. Ихъ въ особенности занималъ корсетъ. Одна изъ нихъ приближалась ко мнѣ съ цѣлью разслѣдовать. Изъ опасенія передраги, я прикинулся сердитымъ, принялъ на себя сумрачный видъ и усѣлся въ сторонку на диванѣ. Мое положеніе было тѣмъ щекотливѣе, что эти прелестныя женщины ходили полураздѣтыя. Дѣло обошлось благополучно: меня приняли за ворчунью и не беспокоили. Въ Гурзуфѣ мы оставались пять дней. Тамъ дамы купались и не могли вдоволь налюбоваться великолѣпнымъ видомъ на море. Нарышкина платила за все съ истинно-царской щедростью: такъ нравились ей эти непрерывные праздники, которые устраивались въ честь ея и на которыхъ всѣ старались превзойти другъ друга роскошью и занимательностью. Все наше общество было молодо и весело, и можно прямо сказать, что четыре недѣли путешествія были непрерывнымъ хохотомъ. Крошечная Софья совершенно подружилась со мною; она называла меня своимъ маленькимъ мужемъ и показывала мнѣ письма своего отца, удивительныя по простотѣ и нѣжности *).

*) Софья Дмитріевна Нарышкина скончалась въ 1825 году, будучи невѣстой графа Андрея Петровича Шувалова. П. Б.

30 Сентября мы ночевали въ Судахъ, гдѣ насъ ждали экипажи для пути въ Кафу. Тамъ два дня были посвящены на осмотръ города, а вечеромъ другаго дня герцогъ Ришелье объявилъ намъ, что праздники должны кончиться и начнутся дѣла серьезные: онъ только что получилъ приказаніе выступить въ походъ и овладѣть портомъ Суджукъ-Кале, лежащимъ къ югу отъ Анапы и построеннымъ еще Генуэзцами. Черезъ этотъ портъ Турки посылали горцамъ оружіе и военные припасы.

Итакъ, въ Кафѣ мы разставались. Одни должны были возвратиться въ Петербургъ и Одессу, другіе—переплыть Керченскій проливъ и присоединиться къ экспедиціи. Нарышкина непременно хотѣла проводить насъ до Анапы, чтобы потомъ имѣть возможность говорить, что была въ Азіи. Герцогъ Ришелье согласился на это лишь съ условіемъ оставить маленькую Софью въ Кафѣ съ гувернанткой, докторомъ и Виконтомъ. Устроивъ ее тамъ, мы отправились въ Керчь, гдѣ должны были найти военныя суда для переѣзда въ Тамань; но ихъ еще не было, и намъ пришлось ждать въ Керчи два дня. Мы осматривали столицу Митридата и по вечерамъ играли пословицы. Толпа нашихъ зрителей была самая пестрая: казаки, мусульманы, колонисты изо всѣхъ странъ, Русскіе солдаты и пр., и все это на томъ мѣстѣ гдѣ погребень Мониимъ. Когда суда пришли, мы переправились черезъ Керченскій проливъ, заночевали въ Тамани и на другой день раннимъ утромъ отправились въ путь, оставивъ двѣ шлюпки для Нарышкиной, когда она вернется назадъ. Наши четыре дамы, окруженные блестящей свитой, ѣхали въ коляскѣ въ шесть лошадей. Спереди и сзади былъ козацій конвой. Маленькіе отряды всюду были разставлены вдоль дороги, чтобы обезопасить путешественницъ отъ засады. Можно себѣ представить, сколько прелести имѣла для дамъ эта воинственная обстановка! До Анапы было 15 миль, и на полпути мы сдѣлали роздыхъ. Въ Анапѣ не было гостинницы; поэтому вечеромъ пришлось расположиться очень по просту: подъ открытомъ небомъ положили на землю тюфяки и покрылись шалами. Дамы, въ восхищеніи отъ этого подобія бивака, вовсе не жаловались на неудобства; напротивъ, это служило новымъ поводомъ къ смѣху. На другой день утромъ онѣ осматривали войска съ Ришелье, а вечеромъ устроился балъ. Нарышкина оставалась въ лагерь три дня. И тутъ, какъ раньше, старались всячески увеселять ее: дѣлали смотръ войскамъ, примѣрныя рекогносцировки и сраженія, въ которыхъ къ крайнему неудовольствію всѣхъ дамъ ни разу не встрѣтился непріятель и не раздалось ни одного выстрѣла. На четвертый только день воинственная красавица отправилась назадъ, благополучно добралась до Кафы и уѣхала оттуда въ Петербургъ.

Тѣмъ временемъ политическій горизонтъ омрачался. Всюду царствовали возбужденіе и безпокойство. Страшная комета возвѣщала великое бѣдствіе, торговля совершенно остановилась. Тяжелыя, громовыя тучи окутывали небо Россіи. На Югѣ Кутузовъ все еще не могъ заключить миръ съ Турціей, а между тѣмъ съ Запада уже грозилъ злой геній войны, исполинъ, передъ однимъ именемъ, котораго все трепетало. Александръ Павловичъ письмомъ изъ Царскаго Села отъ 9 Апрѣля 1812 года (стр. 167) поручалъ попеченіямъ герцога Ришелье М. А. Нарышкину и ея дочь, которыя должны были опять ѣхать въ Крымъ, гдѣ для нихъ отстраивалась дача. (Поѣздка не состоялась). Въ случаѣ военной опасности Ришелье долженъ былъ препроводить ихъ въ Пензу или въ Саратовъ. «Жду этой услуги отъ вашей дружбы ко мнѣ и къ ней—писалъ Государь.--Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, до какой степени эти два существа для меня дороги».

Графъ Рошешуаръ сообщаетъ любопытныя подробности о переговорахъ съ Турками, для которыхъ посланъ былъ къ нимъ его братъ.

Въ Одессѣ еще съ Марта мѣсяца начали собирать и готовить къ походу войска, какими только могла располагать Новороссія. Только въ Августѣ эти войска были готовы и подъ начальствомъ генерала Тормазова двинулись на Волынь. Тормазовъ присоединился сначала къ отряду адмирала Чичагова, но потомъ былъ вызванъ Кутузовымъ къ главной арміи. Чичаговъ же долженъ былъ занять Минскъ и Вильну и такимъ образомъ отрѣзать Наполеону отступленіе. Въ Октябрѣ графъ Рошешуаръ распрощался съ своимъ покровителемъ, который остался въ Одессѣ, гдѣ боролся геройски со свирѣпствовавшей чумою. Рошешуаръ уѣхалъ къ арміи Чичагова и былъ въ ней во время извѣстной переправы Наполеона черезъ Березину. Было ли это въ духѣ времени или помогало Рошешуару свойственное Французамъ легкомысліе, но повидимому онъ мало задумывался надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему приходилось стоять въ рядахъ арміи, враждебной Франціи и сражаться противъ своихъ же Французовъ. Въ книгѣ его нигдѣ не встрѣчается подобной мысли. Мы видимъ Рошешуара въ Минскѣ, откуда Чичаговъ только что прогналъ генерала Брониковскаго, которому Наполеонъ поручилъ защиту этого города, гдѣ находились склады продовольствія для его войскъ.

«Мы были въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, говоритъ Рошешуаръ, относительно того, что происходило послѣ пожара Москвы. Мы не знали ни гдѣ находится Наполеонъ, ни того, что Французская армія въ плачевномъ состояніи, ни того, съ кѣмъ именно мы могли встрѣтиться

и сражаться. Адмирала Чичагова очень много осуждали за его медлительность и за дѣйствія при Березинской переправѣ; но никто не хотѣлъ принять въ расчетъ, какъ неожиданно очутился онъ лицомъ къ лицу со всей арміей Наполеона, не будучи объ этомъ предупрежденъ. Между тѣмъ онъ не могъ дѣйствовать сломя голову, а еще менѣе подвергать опасности свои отличныя войска. Адмиралъ не могъ дѣйствовать иначе, какъ онъ дѣйствовалъ. Я правдиво и точно расскажу то, что было, и буду говорить только о томъ, что видѣлъ собственными глазами.

По вступленіи нашемъ въ Минскъ, два дня войска отдыхали и запасались всѣмъ необходимымъ. Потомъ былъ созванъ совѣтъ для обсужденія дальнѣйшаго хода дѣйствій. Прежде всего старались собрать какія бы то ни было свѣдѣнія о положеніи Русской и Французской армій, но это не удалось: никто не зналъ ничего положительнаго. Тогда начали колебаться, идти-ли на Вильну и завладѣть громадными военными складами, которые тамъ находились, или пройдя Оршу направиться въ Витебскъ, чтобы разрушить мостъ черезъ Днѣпръ. Рѣшили, наконецъ, идти на Вильну, овладѣвъ между прочимъ Борисовымъ и мостомъ черезъ Березину. Это поручено было графу Ламберту, который командовалъ нашимъ авангардомъ. Подъ его начальствомъ было до 10 тыс. человѣкъ; изъ нихъ половина кавалеріи и нѣсколько большихъ пушекъ. Ланжеронъ позволилъ мнѣ отправиться съ Ламбертомъ.

7-го Ноября мы пошли на Борисовъ, а 8-го вечеромъ расположились биваками противъ Французскихъ аванпостовъ. Ламбертъ отложилъ до слѣдующаго дня атаку ретраншементовъ. На разсвѣтѣ генералъ послалъ меня со стрѣлками развѣдать положеніе и силы нашихъ противниковъ. Ихъ аванпосты скоро начали отступать, и по слабому ихъ и нерѣшительному сопротивленію я заключилъ, что передъ нами не Французы, а сборные отряды различныхъ національностей. Когда аванпосты отступили, непріятель открылъ по насъ артилерійскій огонь, которымъ убилъ нѣсколько человѣкъ и лошадей, и полковнику Мито оторвало руку. Дорога, по которой мы наступали, кончалась у лѣвой стороны предмостнаго укрѣпленія, и я оставилъ ее, предполагая, что съ другой стороны укрѣпленія защита будетъ слабѣе. Дѣйствительно я подошелъ безъ труда къ правой сторонѣ, выходящей на рѣку; но такъ какъ у меня не было достаточно людей, чтобы предпринять что-нибудь важное, я оставилъ свой отрядъ подъ прикрытіемъ маленькаго пригорка, а самъ, осыпаясь непріятельскими пулями, поскакалъ къ Ламберту. Я нашелъ его въ центрѣ нашего главнаго отряда и просилъ дать еще

батальонъ, увѣряя, что правая сторона укрѣпленій въ плохомъ состояніи, и ее очень легко взять приступомъ. У насъ было много кавалеріи и очень мало пѣхоты: составъ войскъ, обыкновенный во всѣхъ авангардахъ, но мало удобный для взятія окоповъ. Генераль приказалъ спѣшиться тремъ стамъ гусарамъ того полка, котораго самъ онъ былъ командиромъ, и сказалъ имъ: «Дѣти, я доставлю вамъ хорошій случай отличиться. Вы поможете гренадерамъ, которыхъ мало, взять эти окопы! Въ ружье! Впередь!!!» Громкое ура было ему отвѣтомъ. Къ этимъ гусарамъ Ламбертъ прибавилъ четыре роты пѣхоты и обѣщалъ подождать съ атакой на центръ и на правое крыло, пока я не приду и не стану дѣйствовать на лѣвое. Удовлетворяя нетерпѣнію войска, генераль приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по укрѣпленіямъ. Но неистовое ура прокатилось по всей линіи вслѣдъ за выстрѣлами; оно подало сигналъ къ атакѣ и привлекло непріятельскія силы на лѣвую сторону предмостнаго укрѣпленія. Мнѣ сдѣлалось тогда очень легко проникнуть туда съ правой стороны съ моими стрѣлками и гусарами. (Рошешуаръ получилъ за это дѣло Владимирскій крестъ). Такимъ образомъ мы заставили немедленно очистить предмостное укрѣпленіе, потому что непріятель, видя себя неожиданно атакованнымъ даже внутри своихъ окоповъ, побѣжалъ по длинному мосту, ведущему въ городъ Борисовъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ сломать или сжечь этотъ мостъ; но наши войска, войдя въ городъ одновременно съ непріателемъ и въ перемежку съ нимъ, помѣшали выполнить это намѣреніе. Тутъ я узналъ, что Ламбертъ раненъ въ плечо во время приступа. Я отправился провѣдать о его здоровьи и сопровождалъ его по Борисову, откуда быстро ушли Саксонцы. Когда порядокъ былъ восстановленъ въ городѣ, раненаго генерала помѣстили въ хорошій домъ, гдѣ только-что передъ тѣмъ жилъ Брониковскій. Въ домѣ былъ каминъ, очень рѣдкая роскошь въ этой странѣ, и въ немъ яркимъ пламенемъ горѣли бумаги. Какъ бы предчувствуя ихъ важность, я бросился къ камину, и мнѣ удалось спасти отъ огня нѣсколько обрывковъ, въ числѣ которыхъ находилось письмо маршала герцога Беллюна къ Брониковскому, губернатору Минска».

Вотъ оно: «Господинъ губернаторъ! Моему адъютанту, князю Сулковскому, подателю сего, поручено выполнить помѣщенные въ этомъ письмѣ приказанія. Е. В. императоръ Наполеонъ долженъ прибыть послѣ завтра 23 (11) въ Борисовъ, а 25 будетъ въ Минскѣ. Долгіе переходы, а также многочисленныя славныя битвы, настоятельно требуютъ для арміи отдыха и съѣстныхъ припасовъ. Примите мѣры, чтобы все было готово. Главнымъ образомъ надо будетъ перемѣнить много

обуви. Маршалъ герцогъ де-Беллюнъ.» Нечего и говорить о нашемъ изумленіи, когда мы узнали, что завтра у насъ на рукахъ будетъ вся великая армія. Ламбертъ сказалъ мнѣ: «Отвезите сейчасъ-же это письмо адмиралу Чичагову и прибавьте ему, что я оставляю здѣсь только самый маленькій отрядъ, всѣ же остальные войска посылаю немедленно по дорогѣ къ Оршѣ. Рана удерживаетъ меня въ постели, и я передаю командованіе генералу графу Палену».

Я отправился сейчасъ же и нашелъ адмирала въ дорогѣ. Узнавъ о взятіи предмостнаго укрѣпленія, онъ немедленно сѣлъ на лошадь и со всѣмъ своимъ штабомъ поѣхалъ осмотрѣть позицію. Я вручилъ ему письмо герцога Беллюна и передалъ слова Ламберта.

На слѣдующій день, 10 Ноября, я навѣстилъ Ланджерона, расположившагося со своимъ отрядомъ впереди предмостнаго укрѣпленія. Вечеромъ къ нему подошелъ весь нашъ корпусъ и сталъ бивакомъ на правомъ берегу Березины. Такимъ образомъ онъ былъ отдѣленъ отъ города мостомъ, очень длиннымъ по причинѣ болотъ, что на лѣвомъ берегу. Ночевать я возвратился въ городъ.

11-го адмиралъ созвалъ военный совѣтъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ новостей изъ авангарда, который провелъ ночь въ Лохмицѣ, въ 6 верстахъ отъ насъ. Въ этотъ день вечеромъ я обѣдалъ у г-жи Рахмановой, жены главнаго интенданта нашей арміи. Въ серединѣ обѣда мы вдругъ увидѣли скачущихъ нашихъ гусаръ, принадлежавшихъ къ авангарду; лошади ихъ были покрыты пѣною, они кричали: «Французы!» и направлялись къ мосту. Съ каждой минутой число бѣглецовъ увеличивалось, а между тѣмъ еще третьяго дни эти же самые солдаты храбро сражались. Я попытался было остановить бѣгущихъ—напрасный трудъ. Подъ вліяніемъ паническаго ужаса, обезумѣвъ отъ страха, они кричали «Французы, Французы» и не были въ состояніи сказать что-либо другое. Нѣсколько пушекъ съ зарядными ящиками проскакали въ галопъ по городу, все опрокидывая и давя на своемъ пути. Приходилось слѣдовать общему теченію; я направился къ мосту и тамъ нашелъ г-жу Ламбертъ *). Ей удалось остановить нѣсколько гусаровъ своего мужа, и она говорила имъ по-русски: «Дѣти, неужели вы оставите вашего раненаго генерала!» Нѣсколько гусаръ спѣшились и понесли на плечахъ своего начальника, а четверо конныхъ, ведя въ по-

*) Это была дочь Суворовскаго генерала Дѣева, сильная духомъ и увѣсистая Костромичка. Пушкинъ (въ Царскомъ Селѣ 1831) звалъ ее: „Madame Tolpedje“. П. Б.

воду лошадей товарищей, поѣхали впередъ и расчищали дорогу раненому, до другого конца этого безконечнаго моста. Я воспользовался этимъ шествіемъ, чтобы перебраться черезъ Березину среди страшной сутолки, въ которой нѣсколько разъ могъ быть раздавленъ или сброшенъ въ рѣку. Адмиралъ садился въ это время за столъ со своими офицерами. Онъ долженъ былъ тоже оставить обѣдъ и, какъ я, перейти мостъ пѣшкомъ. Въ полчаса все было кончено, т. е. изъ десяти тысячъ и 12 пушекъ авангарда только тысяча человекъ и двѣ пушки перешли рѣку; остальное было взято въ плѣнъ или разсѣяно. Пятьдесятъ человекъ Французскихъ егерей изъ дивизіи Леграна, которыхъ велѣно было напоить вдоволь водкой, захватили редуты нашего авангарда передъ Лохмицой. Бѣдный Паленъ никакъ не могъ собрать вокругъ себя и ста человекъ. Принявъ командованіе лишь наканунѣ и не будучи извѣстенъ солдатамъ, онъ противъ воли былъ увлеченъ толпами бѣглецовъ и явился къ намъ на бивакъ въ отчаяніи, которое трудно описать. Адмиралъ, какъ только мы перебрались на другой берегъ, былъ въ ожиданіи съ минуты на минуту появленія всей великой арміи, силъ которой никто не зналъ; онъ велѣлъ сломать мостъ въ двухъ мѣстахъ и уничтожилъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ. Всѣ пожитки Рошешуара были захвачены Французами. Вѣрный козакъ спасъ ему только его мѣховую шинель.

Вечеромъ полковникъ Михаилъ Орловъ на рекогносцировкѣ встрѣтилъ казачій отрядъ, который везъ письмо Кутузова къ адмиралу. Въ письмѣ сообщалось, что Французская армія, беспорядочная и разстроенная, приближалась. Чтобы спасти какъ можно больше людей, Наполеонъ, по всей вѣроятности, поторопится перейти Березину, и адмиралъ долженъ былъ во что бы ни стало задержать его на этой переправѣ, и тѣмъ дать время главнокомандующему соединиться съ корпусомъ Витгенштейна и атамана Платова. Кутузовъ кончалъ такими словами: «Вы имѣете дѣло съ Наполеономъ, геніальнѣйшимъ полководцемъ. Должно быть, онъ сдѣлаетъ демонстрацію переправы на одномъ пунктѣ, чтобы привлечь ваше вниманіе, и постарается перейти рѣку въ пунктѣ противоположномъ. Поэтому—благоразуміе и бдительность».

Такимъ образомъ, увѣдомленный заранѣе и получивъ свѣдѣнія и совѣтъ отъ главнокомандующаго, адмиралъ долженъ былъ сообразоваться съ мнѣніями своего начальника. Адмиралъ послалъ по правому берегу Березины легкой отрядъ, чтобы попробовать войти въ сношенія съ Витгенштейномъ. Начальникъ этого отряда сообщилъ адмиралу, что Французы, кажется,

хотятъ строить мостъ въ Студянкѣ, въ 25 верстахъ выше Борисова, мѣстѣ очень болотистомъ и потому мало удобномъ для постройки моста. Адмиралъ, убѣжденный, что хотятъ нарочно привлечь его вниманіе на этотъ пунктъ, чтобы постараться перейти въ другомъ мѣстѣ, напр. въ Березинѣ (гдѣ хорошія дороги и крѣпкій мостъ), отдалъ приказаніе всему корпусу двинуться на Березино. Одинъ Ланжеронъ съ четырьмя тысячами человѣкъ остался въ Студянкѣ наблюдать за дѣйствіями непріятеля.

Березино лежитъ внизъ по рѣкѣ, въ 25 верстахъ отъ Борисова. Мы прошли всю ночь по страшному холоду и невозможнымъ дорогамъ. Прибывъ въ Березино утромъ 13-го, мы не замѣтили и слѣдовъ Французской арміи, и адмиралъ началъ опасаться, не сдѣлалъ ли ошибочнаго маневра. Вечеромъ онъ получилъ свѣдѣнія, что этотъ утомительный переходъ дѣйствительно былъ крайне благопріятенъ Наполеону: адъютантъ Ланжерона пріѣхалъ сообщить намъ, что Французскіе инженеры строятъ противъ нихъ мостъ на козлахъ и что работы производятся подъ прикрытіемъ сорока пушекъ большаго калибра. У Ланжерона было только восемь пушекъ, и онъ, боясь быть совершенно уничтоженнымъ такимъ очевиднымъ большинствомъ, ушелъ къ Борисову, чтобы соединиться съ отрядомъ, занимавшимъ тамъ предмѣстное укрѣпленіе и ждать новыхъ приказаній.

Не смотря на отвратительныя дороги, по которымъ надо было идти, утромъ 14-го мы были уже у предмостнаго укрѣпленія, но съ обезсиленными людьми и лошадьми, имѣя множество отсталыхъ, занятыхъ вытаскиваніемъ орудій и фургоновъ, застрявшихъ въ рытвинахъ. Весь день 15-го отсталые собирались.

16-го на разсвѣтѣ мы двинулись къ Студянкѣ; но, благодаря нашему ошибочному маневру, Французская армія перешла Березину безъ помѣхи. Одинъ только отрядъ Партуно, въ 4 т. чел., составлявшій арьергардъ, былъ отрѣзанъ и принужденъ сдаться».

Такимъ-то образомъ Французы перешли послѣднюю важную преграду къ отступленію. Великая армія была тогда уже обезсилена и разстроена, и адмиралъ Чичаговъ со своими 20-ю тысячами свѣжаго войска дѣйствительно могъ бы очень помѣшать переправѣ и нанести значительный ущербъ непріятелю, еслибы, вмѣсто маневра на Березино, былъ въ время въ Студянкѣ. Его обвиняютъ за это; но, какъ видно, онъ былъ виноватъ развѣ тѣмъ, что слишкомъ довѣрился

совѣтамъ Кутузова и со стороны Французовъ ожидалъ хитрости тамъ, гдѣ было уже не до хитростей. Въ этомъ обстоятельствѣ перехитрилъ всѣхъ хитрѣйшій старецъ, главнокомандующій Кутузовъ. Онъ зналъ плачевное состояніе Французской арміи, зналъ, что Наполеону некогда дѣлать какія бы то ни было демонстраціи, а надо поскорѣе уносить ноги, и въ то же время писалъ Чичагову, что Наполеонъ, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ ложную демонстрацію. Теперь извѣстно, что Кутузовъ не хотѣлъ ни брать самого Наполеона, ни уничтожать окончательно Французскую армію. Онъ даже не хотѣлъ идти далѣе и уступилъ только настояніямъ Государя. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы, прогнавъ Наполеона, не увлеклись славой и остались въ своихъ предѣлахъ, было бы, можетъ быть, меньше блеску, но больше пользы. Начало Наполеоновскому концу уже было положено; дальше Европа и безъ насъ покончила бы со своимъ недавнимъ владыкой, но покончила, употребивъ неимоверныя усилія. Эта борьба ослабила бы въ конецъ и Францію, и всю Европу; а Россія надолго, безъ всякихъ романтическихъ священныхъ союзовъ, самою силою обстоятельствъ являлась бы вершительницею судебъ всѣхъ Европейскихъ государствъ.

«18 Ноября, продолжаетъ Рошешуаръ, мнѣ пришлось быть на томъ мѣстѣ, гдѣ переходила рѣку Французская армія. Что за пачальное, раздирающее душу зрѣлище! Всюду виднѣлись кучами трупы людей, женщинъ и даже дѣтей, солдатъ всѣхъ родовъ оружія, всѣхъ національностей, замороженныхъ, задавленныхъ бѣглецами или настигнутыхъ Русскими пулями. Все смѣшалось: лошади, экипажи, пушки, зарядные ящики, кинутые фургоны. На мосту я увидалъ одну женщину, ноги свѣсились внизъ и замерзли въ рѣчномъ льду. Женщина держала на рукахъ ребенка и умоляла спасти его, не замѣчая, что ребенокъ давно зачеченѣлъ. Обѣ стороны дороги были завалены мертвыми во всѣхъ положеніяхъ или людьми умирающими отъ холода и истощенія; они были одѣты въ лохмотья и просили взять ихъ въ плѣнъ».

Съ 1-го Декабря никто уже не думалъ сражаться, а всѣ помышляли какъ бы дойти до Вильны. Французы рассчитывали найти тамъ съѣстные припасы, одежду и обувь, а Русскіе преслѣдовали ихъ, чтобы поскорѣе выгнать изъ своихъ предѣловъ.

«11 Декабря, въ 29-ти градусный морозъ, я вѣхалъ въ Вильну съ Ламсдорфомъ, въ его каретѣ. Нашъ экипажъ съ трудомъ подвигался среди груды труповъ, замерзшихъ посреди дороги. Слуги наши слѣдовали впереди и раскидывали направо и налево мертвыхъ, мѣшавшихъ проѣхать. Трудно себѣ представить положеніе Вильны въ слѣ-

дующіе четыре дня по нашемъ приходѣ. Всѣ монастыри и дома биткомъ набиты Французами, Поляками, Нѣмцами, Испанцами, Итальянцами, Португальцами, плѣнными, ранеными или больными». А надо было помѣщать всѣхъ! Изъ одного монастыря выкидывали вонъ трупы и вмѣстѣ съ ними раненыхъ иноземцевъ, чтобы опростать мѣсто для своихъ! «Снѣгъ, покрывавшій улицы, смягчалъ стукъ колесъ по мостовой, но не мѣшалъ слышать стоны и крики раненыхъ, просившихъ ѣсть. Однимъ словомъ, мы не знали куда спрятаться, чтобы уснуть хоть на часъ».

Императоръ Александръ прибылъ въ Вильну 10 (22) Декабря. Военныя дѣйствія надо было пріостановить изъ-за страшнаго холода. Пользуясь этимъ временемъ, Рошешуаръ отпросился въ Петербургъ; ему дали отвезти бумаги къ военному министру и плѣннаго маркиза де-Кастри. На него пролились щедроты Государя, и въ обществѣ М. А. Нарышкиной онъ благоденствовалъ. Въ Петербургѣ пробылъ онъ три мѣсяца и въ концѣ Марта опять отправился къ арміи вмѣстѣ съ барономъ Маршалемъ, состоявшимъ при Австрійскомъ посольствѣ и черезъ котораго велись тайные переговоры съ Австріей. Государя Рошешуаръ нашелъ въ маленькомъ Саксонскомъ городкѣ Лаубанѣ.

«19-го Апрѣля, пишетъ онъ, Государь принялъ меня очень ласково. Его Величество оставался нѣсколько дней въ Лаубанѣ. Передъ отъѣздомъ онъ велѣлъ сдѣлать цѣнный подарокъ владѣльцу того дома, въ которомъ жилъ; однако владѣлецъ представилъ счетъ графу Толстому: 50 талеровъ за цвѣты, стоявшіе на лѣстницѣ, 3 талера за бутылку Бургонскаго вина, предложеннаго Государю при встрѣчѣ, 16 талеровъ за простыни придворнымъ лакеямъ и т. д. Нѣмцы ничего не дѣлаютъ изъ-за одной чести».

21-е было посвящено осмотру поселенія Братьевъ Моравскихъ или анабаптистовъ. Государь, въ сопровожденіи всего своего штаба, пріѣхалъ на дрожкахъ въ деревню, гдѣ они жили. Сойдя у гостиницы, онъ пожелалъ имѣть проводника, который бы ему все показалъ «Кто вы?» спросили его. — «Я Александръ», отвѣчалъ Государь. Новость быстро разнеслась, и деревня сбѣжалась привѣтствовать Государя, доброта котораго вошла въ пословицу.

22-го Его Величество прибылъ въ Бауценъ; 23-го ночевали въ Радебергѣ, а 24-го вступили въ Дрезденъ. Императоръ въѣхалъ въ городъ во главѣ своей и Прусской гвардіи. По лѣвую его руку ѣхалъ король Прусскій со своими сыновьями; самая блестящая свита сопро-

вождала ихъ. Жители стояли шпалерами вдоль улицъ, и молодыя дѣвушки бросали цвѣты на пути ихъ величествъ. День кончился великолѣпной иллюминаціей, а въ походной церкви нашей Пасхальной заутреней. На другой день парадъ и обѣдъ у Государя, а вечеромъ торжественный спектакль въ оперѣ (играли по-итальянски «Весталку»).

«29-го мы должны были ночевать въ Герингсвальде. Но такъ какъ разстояніе отъ Дрездена было слишкомъ велико, то стали бивакомъ въ открытомъ полѣ. 30-го, чтобы ускорить движеніе, оставили тяжелый обозъ въ Герингсвальде. Главная квартира ночевала въ Фробургѣ, и на слѣдующій день 1 Мая, въ Борнѣ. Былъ отданъ приказъ готовиться въ дальнѣйшій путь къ 2 часамъ ночи. Это было наканунѣ того памятнаго дня, Воскресенья 2-го Мая, который долженъ бы былъ рѣшить участь Европы, еслибы мы остались побѣдителями».

Въ четыре часа утра Русскій императоръ и король Пруссій прибыли въ Пегау. Тамъ ихъ ждалъ новый главнокомандующій Русско-прусской арміей, графъ Витгенштейнъ. Онъ составилъ себѣ хорошую репутацію во время кампаніи 1812-го года. Однако онъ сдѣлалъ большую ошибку 2 Мая, приказавъ всей Прусской арміи пройти передъ нашею, чтобы занять свое мѣсто въ сраженіи. Этотъ маневръ, который очень легко можно было сдѣлать наканунѣ, уничтожилъ всѣ наши усилія, замедливъ начало боя на три часа. Вторая его ошибка была удаленіе резерва, состоявшаго изъ 20-ти тысячъ человѣкъ подъ командой Милорадовича, который не могъ принять участія въ боѣ и прибылъ на мѣсто уже ночью, когда началось отступленіе.

На другой день послѣ Люценскаго сраженія, наша главная квартира ночевала въ Пёнигѣ, а императоръ Александръ съ Нессельроде отправился въ Дрезденъ, чтобы тамъ обсудить дальнѣйшій ходъ дѣйствій. Онъ оставался тамъ до 8-го Мая, а 9-го опять прибылъ къ арміи.

Въ Четвергъ, 20 Мая, началась великая битва, называемая у Французовъ сраженіемъ Бауценскимъ, у Русскихъ—Вюршенскимъ. Чтобы слѣдить за всѣми движеніями войска, императоръ Александръ чрезъ мѣру подвергалъ себя непріятельскому огню; всюду, гдѣ онъ ни проѣзжалъ со своимъ штабомъ, наша раззолоченая группа привлекала вниманіе непріятеля, и по насъ стрѣляли. Много офицеровъ было ранено или убито. Послѣ ожесточенной борьбы и чудесъ храбрости съ обѣихъ сторонъ, бой прекратился около десяти часовъ вечера. Императоръ и король ночевали въ трехъ миляхъ отъ мѣста сраженія.

На другой день пушечная пальба началась съ 4-хъ часовъ утра. Около 2-хъ часовъ пополудни Наполеонъ обмануль насъ ложной атакой на наше лѣвое крыло, упиравшееся въ горы, которыя раздѣляютъ Богемію и Саксонію. Въ то же время онъ приказалъ маршалу Нею подкрѣпить себя дивизіями Ренье и Лористона и съ образовавшимся такимъ образомъ шестидесятитысячнымъ корпусомъ обрушиться на наши двѣ дивизіи, Баркляя-де-Толли и Блюхера, отдѣлившіяся отъ праваго крыла. Эти двѣ дивизіи, боясь быть отрѣзанными отъ арміи, перешли Шпрее. Императоръ Александръ, видя, что нашей арміи грозитъ опасность очутиться прижатой къ Богемскимъ горамъ, рѣшился на отступленіе, пока было еще время. Въ 6 часовъ вечера отдалъ приказъ гвардіи двинуться немедленно на Гохкирхъ. Всѣ корпуса должны были слѣдовать за нею въ самыхъ короткихъ промежуткахъ. Это памятное отступленіе покрыло славою Русскую армію, которая произвела его съ удивительною правильностью и порядкомъ, не торопясь и не путаясь. Графъ Петръ Паленъ командовалъ этимъ мужественнымъ арьергардомъ. Лучшее войско въ мірѣ, преслѣдуя его по пятамъ, не могло ни разстроить, ни взять у него ни одной пушки.

«4 Юня мы узнали о заключеніи перемирія, подписаннаго въ Плейвицѣ графомъ Шуваловымъ, Клейстомъ и Коленкурромъ. Военныя дѣйствія должны были снова начаться 17 Августа».

Тѣмъ временемъ, графа Рошешуара посылали въ Кольбергъ съ отвѣтнымъ письмомъ Государя къ графу д'Артуа.

Заключенный за это время наступательный и оборонительный союзъ между Россіей, Пруссіей и Австріей требовалъ новаго плана кампаніи, и на большомъ военномъ совѣтѣ было рѣшено: одинъ корпусъ Русскихъ войскъ и одинъ—Прусскихъ должны были соединиться съ Австрійской арміей въ Богеміи, чтобы тревожить Французовъ съ тылу и фланга, тогда какъ остальные Русскія и Прусскія силы будутъ нападать на нихъ съ фронта.

«Императоръ Александръ къ 15 Августа прибылъ въ Прагу. Вечеромъ 17 Августа, мой товарищъ, полковникъ Рапателъ, адъютантъ Императора, сказалъ мнѣ: «Другъ мой, я хочу представить васъ нашему знаменитому соотечественнику, моему прежнему начальнику. Я говорю о генералѣ Моро, который только-что прибылъ изъ Америки». Я съ радостью принялъ предложеніе, и мы вмѣстѣ отправились къ знаменитому генералу, который выказалъ свои военныя способности въ первыхъ войнахъ Революціи и во всей Европѣ одинъ былъ способенъ бороться съ Наполеономъ».

Этотъ знаменитый человѣкъ сохранилъ до конца прямоту, немного грубую. На другой день моего къ нему визита, Царь давалъ обѣдъ въ его честь. Весь штабъ и много генераловъ Австрійскихъ и Прусскихъ было приглашено къ столу. Императоръ, по правую руку котораго сидѣлъ Шварценбергъ, а по лѣвую Моро, взялъ графиню, чтобы налить себѣ пить. Моро неожиданно схватилъ его за руку. «Государь, не пейте: это ядъ! Или то, что я сейчасъ пробовалъ, поддѣлано какъ нельзя хуже и, въ такомъ случаѣ, не можетъ быть вамъ подаваемо, или это питье содержитъ въ себѣ ядовитую подмѣсь, обличаемую отвратительнымъ вкусомъ». Государь громко разсмѣялся и, обращаясь къ своему гофмаршалу, сказалъ: «Толстой слышишь? Однако я пью это вино вотъ уже нѣсколько дней!» Моро получилъ титулъ Русскаго фельдмаршала.

Императоръ Александръ, заключая союзъ съ Австріей, предлагалъ назначить Моро главнокомандующимъ; такимъ образомъ самолюбіе всѣхъ было бы пощажено. Но Метернихъ подъ угрозою разрыва требовалъ этого титула для Шварценберга. Императоръ выразилъ Моро свои сожалѣнія по поводу этого, и тотъ отвѣчалъ ему: «Государь, я понимаю нежеланіе Австріи. Еслибы вы сдѣлали мнѣ честь посоветоваться со мной раньше, я предложилъ бы командовать вамъ самому. Всякія противорѣчія исчезли бы передъ такимъ начальникомъ. Я былъ бы вашимъ главнымъ помощникомъ, и военныя дѣйствія шли бы по определенному направленію. Теперь все, что я могу предложить Вашему Величеству—это совѣты моей старой опытности. Да поможетъ намъ Богъ!»

26-го Августа, въ первый день Дрезденскаго сраженія, атака началась очень поздно и не довольно настойчиво. Однако союзная армія взяла два редута. Силы союзниковъ, собранныя вокругъ Дрездена, превосходили 200 тысячъ человѣкъ и имѣли передъ собою въ этотъ день только корпусъ маршала Гувіона Сень-Сира. Этотъ корпусъ неизбежно долженъ бы былъ погибнуть, еслибы атака началась раньше и еслибы послѣ первыхъ успѣховъ ее вели сильнѣе, а не ограничивались посылкой подкрѣпленій, что только затягивало бой. Надо было атаковать всѣми силами и по всей линіи. Моро сказалъ Государю: «По что же тутъ дѣлаютъ? Отчего не подвигаются впередъ? Судя по вялости защитниковъ, здѣсь нѣтъ Наполеона, и мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ его корпусовъ». Императоръ, почувствовавъ вѣрность замѣчанія, подвелъ Моро къ главнокомандующему, чтобы повторить ему это. Австрійскій генералъ давалъ очень плохія объясненія въ оправданіе медлительности, которую онъ называлъ благоразуміемъ, и наконецъ сказалъ: «Мы не хотимъ разрушать Дрездена».

— А! такъ вотъ отчего, возразилъ побѣдитель при Гогенлинденѣ. Однако, князь, воюють не для того, чтобы щадить своихъ враговъ, а для того, чтобы дѣлать имъ возможно больше вреда. Зачѣмъ же было подходить къ этому городу и не выбрать другаго поля сраженія?»

Потомъ, раздраженный спокойствіемъ, съ которымъ ему отвѣчали, Моро бросилъ шляпу на землю и воскликнулъ: — «Э, чортъ возьми, милостивый государь, теперь я больше не удивляюсь, что васъ постоянно бьютъ вотъ ужъ семнадцать лѣтъ!»

Это слова, которыя мы всѣ слышали. Императоръ пытался успокоить и увести въ сторону Моро. Тотъ, удаляясь, прибавилъ: «Государь, этотъ человѣкъ все погубить!»

Нѣсколько времени спустя, мы увидѣли, что изъ трехъ воротъ Дрездена выходятъ три сжатые колонны, приблизительно по 15-ти тысячъ каждая. Эти колонны отбросили союзниковъ далеко за предѣлы той линіи, до которой они только что дошли. Наполеонъ, услышавъ канонаду, поспѣшилъ со всѣми своими силами перейти Эльбу и явился въ Дрезденъ вполнѣ неожиданно.

На другой день, 27-го, пошелъ проливной дождь, котораго никогда не забудутъ всѣ участники сраженія, и лиль не переставая трое сутокъ. Я не даю никакихъ подробностей этого втораго дня, столь печальнаго для союзниковъ. Побѣда, на которую они имѣли право надѣяться, обратилась въ поражение.

Мы начали отступленіе, которое скоро обратилось въ общее бѣгство. Александръ, окруженный слишкомъ многочисленнымъ штабомъ, былъ вполнѣ на виду. Французскія ядра попадали прямо въ насъ. Моро сказалъ Государю: «Вы слишкомъ нужны, чтобъ подвергать себя опасности, особливо когда, по милости ошибокъ, допущенныхъ вчера, въ эту ночь и даже нынче утромъ, намъ приходится отступать. Умоляю Ваше Величество подумать о томъ, что въ этой отвагѣ нѣтъ для васъ славы и что гибель ваша повергнетъ вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ въ величайшее бѣдствіе». Государь понялъ, что дѣлать ему больше нечего, дернулъ поводомъ и сказалъ: «Ступайте впередъ, фельдмаршалъ». Въ эту минуту ядро съ ближайшей Французской батареи ударило Моро въ правое колѣно, пронизало лошадь и оторвало Моро икру лѣвой ноги. Говорившій со мною Рапателъ кинулся подымать своего генерала; я также приблизился и услышалъ, какъ Моро сказалъ: «Смерть! Смерть!» За тѣмъ онъ лишился сознанія.

Государь былъ тутъ же, въ сильномъ горѣ. Между нами упало еще отъ пяти до шести ядеръ. Тогда его отвели вмѣстѣ съ ранеными на нѣсколько шаговъ за пригорокъ. Царскій докторъ объявилъ, что нужна двойная ампутація. На скоро устроили носилки изъ вѣтокъ. Сорокъ человекъ Русскихъ, Австрійскихъ и Прусскихъ гренадеровъ по очередно несли раненаго до города Лана. Онъ проявилъ удивительное присутствіе духа и между двухъ ампутацій попросилъ позволенія выкурить сигару. На другой день онъ скончался, продиктовавъ Рапателю прощальное письмо къ женѣ и дочери (сія послѣдняя, пожалованная фрейлиною Русскаго двора, вышла за графа Курваля).

29-го наша армія отступала въ Богемію въ величайшемъ безпорядкѣ; всѣ народности и даже полки перемѣшались. Императоръ, король и Шварценбергъ провели весь день на большой дорогѣ, раздѣляя бѣглецовъ и указывая имъ путь, по которому надо идти. Государь направлялъ Русскихъ въ центръ, король Прусскій посылалъ своихъ солдатъ на лѣво, а Шварценбергъ направо. За день съ большими усиліями собрано 100 тысячъ человекъ.

Тѣмъ временемъ генераль Остерманъ, которому удалось собрать около 15-ти тысячъ человекъ, былъ атакованъ генераломъ Вандамомъ, командовавшимъ 30-ти тысячнымъ корпусомъ. Французскій генераль получилъ приказаніе отъ Наполеона, уничтоживъ во что бы ни стало всѣ препятствія, придти въ Теплицъ раньше союзной арміи, которая была въ безпорядкѣ, и покончить съ нею. Остерманъ, цѣною огромныхъ жертвъ, мужественно защищалъ свою позицію. Это упрямое сопротивление покрыло славою генерала и храбрецовъ, которыми онъ командовалъ, и спасло главную армію, давъ ей время опять придти въ порядокъ. Остерманъ съ оторванной рукой остался на ногахъ среди своихъ гренадеръ и ободрялъ ихъ.

30 Августа съ утра Вандамъ былъ атакованъ спереди 80 тысячнымъ корпусомъ, справа 20 тысячами Пруссаковъ, а слѣва 25.000 Австрійцевъ. Не будучи въ состояніи противиться такимъ силамъ, онъ началъ отступать, когда Клейстъ со всей своей артилеріей напалъ на него сзади. Окруженный со всѣхъ сторонъ Вандамъ напрасно старался прорваться и, не смотря на храбрость своихъ солдатъ, долженъ былъ положить оружіе.

Австрійскій императоръ, чтобы увѣковѣчить подвигъ Русской гвардіи въ день 29-го Августа и отблагодарить ее, велѣлъ поставить на

свои собственные средства памятникъ на полѣ битвы съ надписью: «Въ честь Русской гвардіи, 29 Августа 1813 года».

До сихъ поръ Рошешуаръ, хотя и состоялъ постоянно при особѣ Государя, какъ его адъютантъ, но мало былъ ему извѣстенъ. Въ Прагѣ, представляя весь свой штабъ императору Австрійскому и дойдя до Рошешуара, онъ не могъ назвать его по фамиліи и, покраснѣвъ, сказалъ: «Назовите сами себя». Рошешуаръ долго думалъ, что этотъ случай подѣйствуетъ въ худомъ смыслѣ на его служебное поприще, потому что онъ, не будучи самъ виноватъ въ этомъ, все-таки доставилъ непріятность Государю. Однако скоро онъ увидѣлъ, что его опасенія были напрасны. Случай далъ ему возможность не только стать извѣстнымъ Государю, но даже войти къ нему въ особенную милость.

7-го Сентября въ главной квартирѣ союзныхъ войскъ въ Теплицѣ *) узнали, что Шведскій принцъ Бернадотъ разбилъ на голову маршала Нея. Бернадотъ однако не воспользовался своею побѣдою: онъ бездѣйствовалъ въ Цербствѣ и не шелъ далѣе. Чтобы побудить его къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, каждый изъ союзныхъ государей посылалъ ему свой знакъ отличія. Георгіевскую ленту отъ императора Александра долженъ былъ вести Бернадоту дежурный адъютантъ, которымъ на этотъ разъ оказался Рошешуаръ. Ему было отдано прямое приказаніе: доставить Георгіевскую ленту раньше, чѣмъ посланные другихъ государей успѣютъ выполнить свое порученіе, и какимъ-нибудь образомъ побудить Бернадота двигаться далѣе. Не такъ легко было выполнить это порученіе. На почтовой станціи, куда Рошешуаръ явился за лошадьми, ему сказали, что лошадей никому не приказано давать до тѣхъ поръ, пока не отправится Австрійскій курьеръ, посылаемый къ Шведскому принцу. Въ виду такихъ, казалось бы, непреодолимыхъ препятствій, посланецъ Русскаго Государя скоро нашелся. Первую станцію онъ проскакалъ верхомъ, совершенно замучивъ свою лошадь; на второй запрещенія уже не было, и онъ такимъ образомъ все-таки первымъ явился къ Бернадоту. Шведскій принцъ велъ тогда тонкую игру. Онъ высказался подъ секретомъ Рошешуару, успѣвшему войти къ нему въ довѣріе, что считаетъ себя самымъ подходящимъ человекомъ для Французскаго престола. На этой-то стрункѣ Рошешуару и удалось поймать честолюбца. За три дня, проведенные вмѣстѣ съ Бернадотомъ, онъ постарался доказать ему, что бездѣйствіе не ведетъ ни къ

*) Рошешуаръ описываетъ церемонію, происходившую въ Теплицѣ по случаю принятія Александромъ Павловичемъ ордена Подвязки, присланнаго Георгомъ III-мъ.

чему, что событія въ Европѣ много теперь зависятъ отъ императора Александра, расположеніе котораго можно заслужить, оказавъ рѣшительныя услуги союзной арміи. Дипломатія увѣнчалась успѣхомъ, и Рошешуаръ самъ присутствовалъ при переходѣ Бернадота черезъ Эльбу.

На слѣдующій день по возвращеніи въ главную квартиру Рошешуаръ былъ позванъ въ кабинетъ къ Государю.

«Какъ только я вошелъ, рассказываетъ онъ, Государь сказалъ мнѣ съ улыбкою: Шведскій принцъ отъ васъ въ восхищеніи. Онъ благодаритъ меня, что я выбралъ именно васъ отвезти ему письмо и Георгіевскую ленту. Скажите, о чемъ шли у васъ долгія съ нимъ бесѣды. Онъ очень уменъ, и это должно быть интересно».

Ободренный добротою Государя, я началъ свой рассказъ, подражая Гасконскому выговору Бернадота «Я долженъ сказать правду Вашему Величеству, я не все передалъ полковнику Поццо *) и графу Нессельроде». Государь былъ въ восхищеніи отъ рассказа и смѣялся отъ души, въ особенности когда я сообщилъ, что Бернадотъ указываетъ на себя, какъ на единственнаго человѣка, способнаго замѣстить Наполеона на Французскомъ престолѣ. Я заслужилъ большую похвалу за тѣ доводы, которыми я убѣждалъ принца въ необходимости служить союзникамъ. «Впрочемъ, вы сказали только правду; вы хорошій дипломатъ». Государь отпустилъ меня, сказавъ: «Приходите завтра вечеромъ въ семь часовъ; мнѣ еще кое-о-чемъ надо васъ спросить».

На другой день Государь продержалъ меня три часа у себя въ кабинетѣ, говорилъ о многомъ и удивилъ меня своею откровенностью. Такъ онъ сознался, что питаетъ искреннюю дружбу къ Наполеону, и вотъ по какимъ причинамъ. «Представьте себѣ, что, въ одно изъ нашихъ свиданій въ Эрфуртѣ, Наполеонъ сказалъ мнѣ: «Я знаю, что существуетъ женщина, на которой сосредоточена вся вапа нѣжность; я знаю, что вы никогда не расстаётесь съ ея портретомъ. Дайте мнѣ этотъ портретъ; я хочу его носить изъ любви къ вамъ, какъ постоянную память о лучшемъ другѣ, какой только у меня есть во всемъ свѣтѣ». Я вручилъ ему портретъ и долженъ сознаться, что онъ далъ мнѣ за это великолѣпные совѣты; именно имъ я обязанъ успѣхамъ кампаніи въ Россіи» (стр. 257).

*) Поццо-ди-Борго, въ то время нашъ дипломатъ при Бернадотѣ.

Съ этой поры Рошешуаръ входитъ въ особенную милость къ императору Александру, который не пропускаетъ случая, чтобы сказать ему ласковое слово, дать лестное порученіе или сдѣлать что-нибудь пріятное. Послѣ трехъ-дневной Лейпцигской битвы Государь производитъ въ полковники своего новаго любимца.

Союзная армія вступала въ Лейпцигъ; тамъ ожидалъ побѣдителей старикъ король Саксонскій. Рошешуаръ такъ рассказываетъ о встрѣчѣ съ нимъ императора Александра:

«Король Саксонскій стоялъ внизу на лѣстницѣ своего дворца и съ обнаженной головой почтительно ждалъ побѣдителя. Онъ былъ окруженъ батальономъ своей гвардіи, выстроенной шпалерами и съ ружьями прикладомъ вверхъ. Императоръ Александръ сошелъ съ лошади и дружески обнялъ Шведскаго принца. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Бернадотъ сказалъ: «Государь, вотъ король Саксонскій, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе». Но Императоръ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и спросилъ: «Гдѣ королева Саксонская?» — «Она ждетъ Вашего Величества на верху лѣстницы; но вотъ ея августѣйшій супругъ, который желаетъ быть вамъ представленнымъ». — «Пойдемте къ королевѣ!»

«Вотъ какъ строго обошелся Александръ съ этимъ старымъ королемъ, который былъ жертвой привязанности къ Наполеону, привязанности очень похвальной, потому что она не измѣнилась до конца. Я былъ пораженъ такимъ поступкомъ Императора, если не жестокимъ, то и невеликодушнымъ относительно коронованнаго старца, который мнѣ показался скорѣе опечаленъ, чѣмъ униженъ такимъ приемомъ. Онъ пошелъ въ покои королевы за раздраженнымъ монархомъ, но и тамъ не могъ добиться отъ него ни слова».

Въ Январѣ 1814 года Русскія войска вошли, наконецъ, во Французскія земли. Рошешуаръ немедленно вступилъ въ сношенія со многими лицами, приверженцами Бурбоновъ, переписывался съ ними и хлопоталъ о водвореніи на Французскомъ престолѣ законнаго короля. Конечно онъ много способствовалъ восстановленію Бурбоновъ на Французскомъ престолѣ.

Александръ Павловичъ сначала поселился въ Парижѣ въ домѣ Талейрана (2, rue Saint-Florentin), а потомъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ давалъ Рошешуару разныя порученія, между прочимъ не допускать къ нему Коленкура, нѣкогда, въ Петербургѣ, столь къ нему близкаго. Государь назначилъ Рошешуара комендантомъ Парижа. Ми-

лости къ нему не прекращались. Однако любовь къ родной Франціи и къ своимъ государямъ пересилила въ немъ привязанность къ государю Русскому.

«Я былъ въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, пишетъ онъ; герцога Ришелье не было, чтобы руководить мною. Я былъ одинъ, молодъ и немного опьяненъ высокимъ положеніемъ, которое я занималъ. Вопреки всякимъ приличіямъ, которыя мнѣ не слѣдовало забывать, я оставилъ Русскую службу, чтобы поступить на службу къ королю. Вотъ какъ я сдѣлалъ это. Императоръ Александръ назначилъ свой отъѣздъ изъ Парижа на 3-е Іюня. Онъ сначала отправлялся въ Лондонъ, а оттуда въ Россію. Я попросилъ генерала Сакена передать Его Величеству мою просьбу объ отставкѣ. Мнѣ надо было бы сопровождать Государя до Россіи: я долженъ былъ сдѣлать это въ доказательство моей преданности, изъ благодарности за его доброту и ласку; но мнѣ показалось слишкомъ тяжело снова оставлять родину, гдѣ я чувствовалъ себя такъ хорошо. Я оказался неблагодарнымъ. Черезъ два дня Сакенъ сказалъ мнѣ: «Государь недоволенъ вами. Насколько я могъ понять, онъ думалъ, что вы сильнѣе привязаны къ нему; однако онъ отпускаетъ васъ съ чиномъ генераль-маіора, но не желаетъ, чтобы вы являлись къ нему прощаться. Вотъ все, что я могъ сдѣлать». Только тутъ, уже слишкомъ поздно, я понялъ, какую сдѣлалъ ошибку; но она была непоправима».

Дальнѣйшая судьба Рошешуара не касается Россіи. Ришелье обезпечилъ его состояніе; онъ выгодно женился (на дѣвицѣ Увраръ) и занялъ выгодное положеніе во Франціи. Подобно матери своей преданный Бурбонамъ, въ 1832 году онъ ѣздилъ негласно въ Петербургъ просить покровительства Николая Павловича герцогинѣ Беррійской (стр. 523), имѣлъ любопытныя сношенія съ графами Бенкендорфомъ и Нессельроде, но къ Государю допущенъ не былъ: Николай Павловичъ благоразумно уклонился отъ вмѣшательства въ династическія распри Орлеанскаго и Бурбонскаго домовъ. Графъ Рошешуаръ дожилъ до 1858 года и умеръ отъ апоплексическаго удара. Послѣдніе годы своей жизни онъ занимался историческими изысканіями и написалъ книгу «Исторія фамиліи Рошешуаровъ». Воспоминанія его написаны прекраснымъ языкомъ, изложены живо и полны занимательности.
